

ИССЛЕДОВАНИЯ

Анна Сенькина

ШКОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ, ИЛИ ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ИЗ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ И КРИТИКИ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается уникальный для российской истории прецедент, когда хрестоматия для начальной школы стала предметом парламентской дискуссии. В марте 1913 г. группа членов Государственного совета, принадлежавших к правому крылу, обратилась с запросом к министру народного просвещения «по поводу допущения к классному употреблению в начальных училищах» 3-ей части книги для чтения «Новь» Н. Тулупова и П. Шестакова. Интерпеллянты утверждали, что в «Нови» и в ряде других учебников для начальной школы, одобренных министерством, тенденциозно подобранные составителями тексты имеют антимонархический и антигосударственный характер, настраивают одно сословие против другого, убивают в народе религиозность и развивают антимилитаристские настроения. Вовлеченные в прения парламентарии оказались в необычной для себя роли литературных критиков, руководителей детского чтения и экспертов начального образования. Анализ этого казуса, его предыстории и самой дискуссии в Госсовете позволяет увидеть, что в межреволюционное десятилетие на поле образовательной политики, помимо государства, появились другие институциональные игроки: земства, училищные и попечительные советы при школах, учительские общественные организации, педагогическая периодика, а впоследствии и политические партии. В отсутствие учебных программ для начальной школы содержание обучения фактически определялось той учебной литературой, которую

Анна Александровна Сенькина
независимый исследователь,
Санкт-Петербург
anna_senkina@list.ru

закупало земство для школ своего уезда, выбирая из обширного списка допущенных министерством изданий. При этом государственная цензура не была препятствием для активной деятельности либерально настроенных педагогов по изданию и продвижению учебников, что и спровоцировало столь сильную реакцию правых консерваторов. Книга для чтения стала предметом политической борьбы за возможность определять идеологическую повестку народного образования.

Ключевые слова: народная школа, Государственный совет, право-монархическая критика, книга для чтения, цензура учебной литературы, Н. В. Тулупов, П. М. Шестаков, В. П. Вахтеров, Э. О. Вахтерова

Господа, дурного ученика всегда — я это утверждаю — можно исправить, если знать и любить детей. Дурного преподавателя тоже исправить можно, потому что преподаватели, — люди развитые, понимают, что им говорят, можно с ними столковаться, а, наконец, не исправится, не столкнешься — сменишь; а с дурною книгою гораздо труднее бороться, с книгою, которая действует в десятках тысяч мест и в особенности, когда на ней стоит штемпель допущения, рекомендации Ученого Комитета.

Из выступления кн. Д. П. Голицына-Муравлина на заседании Государственного Совета 6 марта 1913 г.
[ГС 1913, 1006 — 1007]

Уездный предводитель дворянства против Министерства Народного Просвещения

В марте 1913 г. в Верхнюю палату парламента Российской Империи от тридцати двух сенаторов поступило заявление к министру народного просвещения «с запросом по поводу допущения к классному употреблению в начальных училищах учебного руководства по русскому языку „Новь“ (кн. III) Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова» [Тулупов, Шестаков 1909–1910], что, с одной стороны, вызвало немалое удивление среди участников заседания, а с другой — переросло в острую полемику между право-монархической и либерально-демократической частями парламента о содержании начального образования. Главным инициатором запроса был действительный статский советник, член Государственного совета,

уездный предводитель дворянства и почетный мировой судья Кирсановского уезда Тамбовской губернии В. М. Андреевский (1858 — 1943). В автобиографии, написанной в Париже в 1930-м г., он вспоминал:

За время моего пребывания в Государственном Совете мне пришлось два раза выйти из рамок обычного течения дел в Верхней Палате. Один раз это было внесение мною законопроекта о «Сокращении числа неприсутственных дней». <...> Второй раз, по возбужденному мной вопросу, выступление мое увенчалось полным успехом. Дело было типичное и... скандальное. Началось оно в Кирсанове, на уездном земском собрании. Земской Управой был произведен расход на приобретение для земских школ новой хрестоматии г.г. Тулупова и Шестакова, изд. Сытина в Москве. Хрестоматия эта была одобрена и рекомендована для начальных школ Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения и выписана Управой по указанию Инспектора Народных школ. Члены ревизионной комиссии, проверяя отчетность Управы, заинтересовались этой новой хрестоматией, — прочитали ее и пришли буквально в ужас от ее содержания [Андреевский 1930].

Итак, поводом для обращения в Государственный совет стала закупка Кирсановской земской управой новой хрестоматии для начальных народных училищ, содержание которой у консервативной части промонархически настроенных гласных вызвало крайне негативную реакцию. Земство (вероятно, не без давления Андреевского) отказалось от распространения в школах уезда книги для чтения «Новь». Казалось бы, проблема была решена на местном уровне и без обращения в вышестоящие инстанции. Но при этом возник некоторый юридический казус: принятое решение выходило за рамки компетенции земства и фактически являлось превышением его полномочий, поскольку книга для чтения была одобрена Министерством народного просвещения (далее — МНП). Андреевский, будучи профессиональным юристом, хорошо это понимал, и в начале своей речи на заседании в Государственном совете отметил:

Такое постановление земского собрания не может не обратить на себя внимания уже в силу того, что оно касается области надзора за школьными руководствами, которое, как Вам известно, принадлежит Министерству Народного Просвещения. <...> Но, если обратить внимание на то, что по закону (ст. 3473 т. II, ч. I) в начальной школе допускается употребление только руководств, допущенных Министерством, и что, с другой стороны, названная «Новь» была допущена, то оказывается,

что представители земств вошли в разногласие с Министерством по поводу данной книги. Хотя, конечно, мнение одного земского собрания не может иметь решающего значения в данном вопросе, однако отрицательное отношение представителей земства к книге, одобренной Министерством, не может не остановить нашего внимания [ГС 1913, 975]¹.

Далее в своей речи предводитель кирсановского дворянства неоднократно пояснит, что само министерство, допустившее данную книгу для чтения к использованию в народных школах, совершило куда более серьезное отступление от закона:

Дело в том, что, допуская учебник в начальную школу, Ученый комитет должен иметь в виду ту цель, которую преследует названная школа. Цель эта изложена в статье 3469 тома XI части 1. Цель эта следующая: «кроме сообщения первоначальных сведений, начальная школа должна утверждать религиозные и нравственные понятия в народе» [978].

Однако за стенами Верхней палаты парламента осталась другая история, предшествующая покупке новых учебников в Кирсановском уезде, о которой Андреевский знал, но умолчал. В сентябре 1910 г. инспектор народных училищ Кирсановского уезда И. Ахтырский в отчете для земской управы отмечал: «К сожалению, некоторые из принятых руководств, а именно: книга для чтения „Добрые семена“ Баранова и задачник Гольденберга, несмотря на некоторые достоинства, нельзя признать удовлетворяющими своему назначению. Ввиду того, что замена одного учебника другим является вопросом первой важности, я не нашел возможным ввести новые руководства без предварительного сношения с учащими и предложил им дать отзыв и заключение о качествах упомянутых руководств» [Ахтырский 1911, 118]. Ахтырский обратился к народным учителям уезда с просьбой оценить имеющиеся в школах учебники, и на его запрос отозвались 75 человек², из которых лишь трое признали книги для чтения «удовлетворительными», но превышающими объем трехлетнего обучения, остальные же высказались весьма критично и оценили две названные книги как «совершенно неудовлетворительные». На основании этого опроса инспектор вместе с Училищным советом приняли решение со следующего 1911–1912 учебного года во всех школах переходить на новые учебники «с таким расчетом, чтобы потребная на приобретение их сумма не превышала сметного назначения» [Там же, 119]. Это не противоречило действующему законодательству, поскольку, согласно Положению о начальных народных училищах 1874 г., вся

ответственность за учебно-воспитательную деятельность возлагалась на директора и инспектора начальных училищ, назначаемых МНП³, а «снабжение училищ, по мере средств, учебными пособиями и руководствами, одобренными министерством народного просвещения и духовным ведомством, по принадлежности» возлагалась на Уездный Училищный совет [Положение 1874, ст. 29. ч. 2].

Прежде чем выбрать новый учебник, инспектор вступил в диалог с народными учителями и, заручившись мнением большинства, инициировал решение заменить устаревшие учебники на новые, одним из которых и стала «Новь» Тулупова и Шестакова⁴. В результате для начальных народных училищ Кирсановского уезда была закуплена книга для чтения, одобренная Ученым комитетом МНП, которую выбрали и допустили к обучению директор, инспектор и уездный Училищный совет и на выбор которой могли повлиять сами народные учителя. Однако предводителю уездного дворянства удалось убедить земство изъять закупленный учебник. По всей вероятности, Андреевский хорошо понимал волонтаристский характер своих действий и хотел узаконить подобное решение, получив поддержку со стороны парламента, поэтому и организовал масштабную кампанию против одного отдельно взятого учебника в Государственном совете, что само по себе стало уникальным прецедентом.

Предыстория «Нови»

Прежде чем перейти к разгоревшейся в Государственном совете дискуссии о книге для чтения, необходимо сказать несколько слов об истории появления этого учебного пособия. Имена авторов-составителей «Нови» Николая Васильевича Тулупова (1863 — 1939) и Петра Михайловича Шестакова (1862 — 1914) в начале XX в. были хорошо известны в педагогическом сообществе. Они принимали активное участие в организации народных чтений в Московском комитете грамотности, во время Первой русской революции входили в оргкомитет Всероссийского учительского союза. Не примыкая ни к одной партии, они открыто придерживались либерально-демократических взглядов. С 1906 г. Тулупов и Шестаков вместе начали издавать журнал «Для народного учителя», в котором печатали современные работы отечественных и западных педагогов, в том числе теоретиков так называемой новой педагогики, отстаивающих гуманистические принципы в образовании и ориентированность обучения на личность ребенка. Оба педагога

постоянно преподавали на столичных и губернских учительских курсах. Помимо столь активной общественно-педагогической деятельности, их объединяло совместное литературно-педагогическое творчество: они занимались созданием «доступной» литературы для детей, от переложения сказок и составления сборников стихотворений классиков для дошкольников до издания популярных очерков по истории России для юношества. Для полноты картины следует отметить, что «Новь» была уже четвертым учебным руководством, которое они составили для начальных народных школ⁵, а к моменту закупки в Кирсановском уезде эта книга для чтения вышла уже 5-м изданием.

Наибольшее признание среди педагогов получила их другая книга для чтения — «Новая школа», изданная в революционные 1905–1907 гг. Пр процитирую несколько фрагментов из рецензий критиков:

Книги гг. Тулупова и Шестакова не нуждаются в рекомендации. Достаточно указать на количество выдержанных ими в несколько месяцев изданий. Прекрасное знакомство с душою ребенка и с детской литературой, необыкновенно умелый подбор материала, таковы их основные достоинства («Парус», № 47) [цит. по: Для народного учителя 1908, 35];

«Новая школа», составленная весьма известными педагогами, стремится дать для чтения деревенского школьника материал, который живо возбуждал бы в нем работу маленьких мысли и чувства и дал бы возможность им вырасти в сильную мысль и сильное чувство любви к природе, к труду, к ближним и к родине. Книга составлена из выдержек из лучших наших писателей, в том числе многих новейших, и обильно иллюстрирована снимками с картин лучших русских художников (Нижегородская Земская газета, № 35) [цит. по: Для народного учителя 1908, 35];

Выбор произведений — интересный, разнообразный и жизненный. Здесь собраны небольшие рассказы и очерки, целиком или в сокращениях, Л. Толстого, В. Дмитриевой, В. Радича, К. Станюковича, П. Засодимского, Мачтета, Н. Перова, Г. Петрова, Н. Телешова, В. Попова, К. Баранцевича и др.; стихотворения Ф. Гаврилова, В. Немировича-Данченко, Ф. Шкулева, В. Смирнова, С. Дрожжина, И. Сурикова, И. Белоусова и др. Имена остальных авторов, более или менее обычных в хрестоматиях, мы, конечно, не приводим. Особенно приятно поражает присутствие в хрестоматии произведений польских писателей В. Сырокомли, Г. Сенкевича, М. Конопницкой, а также русских писателей из народа. Хрестоматия не начинается подогретым «патриотическим» стихотворением, как это принято в книгах известной части

педагогов, не заканчивается каким-нибудь туманным молитвенным богословствованием [Александров 1906, 27].

Восхищаясь выбором произведений, рецензенты не упоминали о том, что в оглавлении третьей части «Новой школы» среди названий подразделов встречаются заголовки: «К свету!», «За правду!», а также «Свобода», «Равенство» и «Братство», хотя сложно было не заметить, что последние три соответствовали национальному девизу Французской республики «*Liberté, égalité, fraternité*». Такая книга для чтения не могла получить и не получила одобрения Ученого комитета МНП, а соответственно официально не была допущена в начальные народные училища, что тем не менее не помешало ей получить широкую известность и неплохо продаваться в розницу, о чём косвенно свидетельствует количество переизданий и хвалебных рецензий в провинциальных газетах. Несмотря на резкое изменение политического климата в последующие годы и на традиционалистский поворот политики правительства П. А. Столыпина, «Новая школа» с некоторыми изменениями продолжала печататься: в 1911 г. она вышла 13-м изданием, и, если верить данным на титульном листе, суммарный тираж издания к этому времени составил 261 тысячу экземпляров — огромная цифра для издания тех лет. Но это едва ли было сопоставимо с тиражами и прибылью, которую можно было получить при организованной закупке учебников народными школами и училищами через земства. Видимо, в том числе и по этой причине, Тулупов и Шестаков в наступившие после поражения революции годы реакции запустили параллельный проект — начали издавать другую хрестоматию под названием «Новь», содержание которой было приведено в большее соответствие с министерскими ожиданиями, что позволило получить разрешение Ученого комитета при МНП, а значит допуск книги к обучению в народное школе.

При сравнении этих двух книг для чтения Тулупова и Шестакова бросается в глаза совпадение основного корпуса текстов и иллюстраций. Изменения главным образом коснулись названий разделов и подразделов, которые маркировали революционный дух «Новой школы». В «Нови» составители внесли изменения в рубрикацию, сделав ее более традиционной (или, скорее, более привычной) для хрестоматий, используемых в народных школах начиная с Ушинского, и при этом сохранили львиную долю контента. Так, вместе с перечисленными выше «революционными» разделами была исключена часть входивших в них текстов, но далеко не все. Например,

басни И. А. Крылова «Гуси» (из «Братства») и «Мартышка и очки» (из «К свету!») сохранились и вошли в новый раздел «Басни дедушки Крылова». Заметим, что выделение басен Крылова в самостоятельный отдел книги для чтения было очень популярно у составителей школьных хрестоматий во второй половине XIX в., но в начале XX в. казалось уже излишним, количество басен в целом сокращалось, составители книг для чтения уходили от назидательности и дидактики. Велика вероятность, что Тулупов и Шестаков, прекрасно это понимавшие, сознательно пошли на внешнюю архаизацию своей новой книги.

«Новь», перекроенная из «Новой школы», в педагогической прессе получила весьма сдержанные и скорее разочарованные отзывы — процитирую наиболее яркие из них:

Материал, взятый авторами почти исключительно из книжек Л. Толстого и Ушинского (несколько ст. В. Водовозова, М. Богданова и др.), распределен ими довольно последовательно и разнообразно многими, как устными, так и письменными видами упражнений для развития речи. <...> Издана книжка тщательно, печать крупная, рисунки порядочные [Русский начальный учитель 1909].

Выпуская книгу под таким ответственно-звучным заглавием, гг. составители старались «быть с веком наравне». <...> Но даже при беглом перелистывании «Нови» бросается в глаза повторение образцов «Родного слова». Перед вами мелькают все эти вещицы — так широко распространенные, благодаря Ушинскому: «Репка», «Лиса и журавль», «Петушок», «Дятел», «Зайка», «Мужик и медведь», «Пчелки на разведке», «Колобок» и т. д. <...> И, конечно, народные сказки, песни, шутки, стихи Пушкина, Некрасова, Фета — общее достояние (в пределах законов об авторской собственности относительно последних двух) [Налимов 1909а, 9–10].

Вторая часть «Нови» опять весьма чистенький сборник с позаимствованиями из «Родного слова» и с усовершенствованиями, становящимися общепринятыми. Статьи для чтения подбираются у наших лучших литературных сил — старых и позднейших [Налимов 1909б, 8–9].

Из «Новой школы», содержавшей открытые манифестации «революционности», авторы-составители убрали соответствующие акценты, перекомпилировали содержание и выпустили нейтральную по структуре и содержанию книгу для чтения «Новь», которая прошла проверку в МНП и была допущена к использованию при обучении в народных школах. И именно этот учебник вызвал негодование и резкую критику правых.

Дебаты и прения в Государственном совете

Заседания по запросу 32-х сенаторов о «допущении к классному употреблению в начальных училищах учебника Тулупова и Шестакова „Новь“» в Государственном совете проходило дважды: 6 марта 1913 г. обсуждалось само заявление и 24 апреля был заслушан ответ министра народного просвещения Л. А. Кассо. Со стороны подписавших заявление помимо В. М. Андреевского выступали представители правой группы парламента, члены «Союза Русского Народа»: председатель Курской земской управы М. Я. Говоруха-Отрок, писатель, романист, председатель Русского Собрания князь Д. П. Голицын-Муравлин и предводитель уездного дворянства и председатель Псковской земской управы С. И. Зубчанинов. Главными оппонентами и защитниками «Нови» стали три академика: историк Д. И. Бегалей и востоковед С. Ф. Ольденбург, оба члены Конституционно-демократической партии, а также историк, юрист, социолог М. М. Ковалевский, лидер Партии демократических реформ.

В запросе утверждалось, что «Новь» не соответствует задачам начальной школы, которая должна «утверждать религиозные и нравственные понятия в народе». Комментируя эту цитату из закона, Андреевский пояснял: «Очевидно, что к нравственным понятиям в данном случае следует относить сознание своих государственных обязанностей, чувства долга перед родиной и любовь к отечеству» [978].

Резкую критику со стороны интерpellантов в первую очередь вызвал исторический раздел «Нови» «Рассказы из нашего прошлого». Андреевский утверждал, что книга, с одной стороны, «в высшей степени односторонне и тенденциозно излагает прошлое нашего отечества и допускает на своих страницах тенденциозное и отрицательное отношение к войне и военной доблести», с другой стороны — «все те страницы нашей истории, которые могли бы поднять национальную гордость, возбудить в учащихся чувство патриотизма, все эти страницы или обходятся молчанием составителями учебника или излагаются очень кратко» [975]. Из его речи следовало, что главный вред от этого учебника в том, что он намеренно искажает прошлое страны, а это приводит к формированию неверных представлений у учеников о собственном государстве. Остановливаясь на примерах исторических сюжетов, о которых тенденциозно умолчали составители, он перечислял:

Завоевание Сибири, покорение Казани пропущено совершенно. Подвиги героев 1612–13 гг. изложены очень кратко, точно так же, как и военные подвиги времен Петра I и Екатерины II. Ничего не сказано о приобретении Польши и покорении Кавказа. Наконец, ничего не говорится про борьбу 1877–1878 гг., борьбу наших братьев по вере и крови, эпизоды которой могли бы, казалось, дать такой богатый материал для воспитания будущих граждан величайшего славянского государства [975–976]⁶.

Общий вывод Андреевского сводился к тому, что «Новь» — это «книга, в которой замалчиваются лучшие, блестящие страницы русской истории»; «в которой рассказываются про ужасы войны и проповедуются антимилитаристические идеи, такая книга не могла и не должна быть допущена для употребления в начальной школе» [978].

Оппоненты легко отклоняли эти обвинения, утверждая, что они голословны и носят слишком общий характер. Так, Бегалей, вслед за Андреевским, перечислял состав исторических рассказов «Нови»:

Вопреки утверждению авторов запроса, что в этой книге упущены все страницы, которые могут дать каждому из нас, русских граждан, мысль о нашем прошлом национальном величии, я утверждаю, что это мнение находится в противоречии с содержанием книги. <...> Здесь Вы увидите такие статьи, как принятие христианства, как распространение просвещения, великолепную характеристику «добротного страдальца за Русскую землю» Владимира Мономаха, очерк деятельности героя нашего Севера Александра Невского, биографию красы Московского монашества Сергия Радонежского, победителя татар и Мамая Князя Дмитрия Донского, смелого поборника правды Московского Митрополита Филиппа, присоединителя Малой России к Великой России Богдана Хмельницкого, Петра Великого, Екатерины, Суворова со всеми его военными необычайными подвигами, изложение Отечественной войны и подвигов героев обороны Севастополя и, наконец, деятельности Великого реформатора Русской земли Императора Александра II [984].

Любопытно отметить, что заданные интерpellянтами направления критики «Нови» определили ситуацию, в которой члены либерального крыла старались доказать, что книга, наоборот, имеет в высшей степени патриотическую и православную направленность. Завершая анализ исторической части учебника, Бегалей заключал:

Перечисленные мною статьи несомненно вызывают любовь к Православной вере, к государству, к военной доблести, которая служит опорой государства, просвещению народа и вообще к нашему прошлому. Органически невозможно допустить, чтобы авторы книги, так тепло говорящие о Православии и монашестве — (о Киево-Печерской и Троице-Сергиевской лавре), имели антирелигиозные тенденции, — так ярко изображающие доблестные подвиги Суворова и севастопольцев, отрицательно относились к войне... [984].

Дебаты относительно содержания исторической главы «Рассказы из нашего прошлого», которая занимала 1/5 ее основного объема (78 из 383 стр.), составили большую часть парламентского обсуждения. Споры велись уже не только о самом учебнике, но и о том, как подавать детям опрочину и общую роль Ивана Грозного в истории России, прогрессивность и жестокость реформ Петра Первого и Екатерины Великой, ужасы крепостного права и др., — и доводы и аргументы сторон были вполне предсказуемы. Правым не нравилось, во-первых, что, «мы, т. е. точнее гг. Тулуповы, коверкаем душу ребенка мрачными страницами из нашей истории, насаждением ненужного и ложного критицизма и заражаем его душу сомнением в своих силах» [980] и, во-вторых, что «всякий порыв, всякое благородное влечение к великому прошлому, понижается постепенно, незаметно и неуклонно» [1015].

Академик Ольденбург, в свою очередь, изобличал авторов запроса в тенденциозном понимании патриотизма, согласно представлениям которых,

...надлежит выставлять определенно и ярко светлые стороны исторической жизни народа и не останавливаться темных сторонах. Думается, что такое толкование патриотизма, во-первых, односторонне, а во-вторых, скажу не достойно великого народа. Великому народу нечего бояться своих ошибок: мы отлично знаем, что на долгом протяжении нашей истории мы делали ошибки и переживали тяжелые годы, но мы с гордостью сознаем, что выходили из этих тяжелых испытаний победителями, мы учились на своих ошибках, и я не думаю, чтобы было антипатриотично показывать нашим детям, что было время, когда мы ошибались [998].

Третья тактика защитников «Нови» состояла в том, что, парируя замечания к исторической части книги, они отмечали, что «пропуски, на которые указывают авторы записки, несомненно существуют, но „Новь“ не учебник по русской истории — это хрестоматия по русскому языку» [984].

Не менее любопытная дискуссия ожидаемо развернулась при обсуждении отбора художественных произведений для детского чтения. С одной стороны, интерpellянты предъявляли те же упреки в отсутствии патриотизма и антимилитаризма, что и к исторической части:

Переходя, засим, к литературной части названного руководства, не указать на то, что в нем помещены повести и стихотворения, отрицательно относящиеся к военной службе и к военным доблестям. На страницах учебника, предназначенного для крестьянских детей, нашли себе место отрывки из Гаршина «На войне» и стихотворение Фруга «Светлое будущее», где поэт говорит о счастливым времени, когда будет всеобщий мир и когда «иною доблестью и славою гордиться будет человек». Не входя в оценку антимилитаризма, я думаю, что помещение этих идей в учебник, рассчитанный для крестьянских мальчиков, явно тенденциозно [976].

В ответ Ольденбург полностью зачитал вслух упомянутое стихотворение С. Г. Фруга, доказывая, что «ничего, конечно, антимилитарного Вы в нем не найдете, найдете лишь ту благородную мечту о мире всего мира, которую признают и военные...» [1003].

С другой стороны, обвинения правых предъявлялись не без оглядки на актуальный литературный канон. Ковалевский отметил любопытную закономерность в оценке ими литературных отрывков составителей запроса:

...странность всего заявления, что введение идей антимилитаризма тем более тенденциозно, что отрывки, проникнутые этими идеями, не представляют чего-либо выдающегося. Из этого можно было бы заключить, что если бы такие отрывки представляли тут, скажем, ту глубину соображений и ту яркость красок, какую представляют сочинения Толстого, действительно проникнутые антимилитаризмом, то тогда подписавшие это заявление, может быть, и не сделали бы своего запроса [1009].

По сути, он уличал заявителей в том, что они «вчитывают» свои идеологические интерпретации в первую очередь в произведения авторов, не возведенных на литературный олимп, и боятся критиковать тех, кого уже возведен в ранг классиков — «корифеев» отечественной литературы. Академик провокационно заявлял:

Жалеть ли о том, что авторы хрестоматии, вместо того, чтобы привести сочинение Фруга, не цитировали четверостишия Пушкина. Вот оно:

«Он говорил о временах грядущих, когда народы, распри позабыв в великую семью соединятся. Мы жадно слушали поэта». Уж не скажете ли Вы, что автор «Клеветникам России» был антимилицарист? [1010].

Одновременно с этим и сами интерpellянты среди прочих изъяснов по литературной части инкриминировали «Нови» использование текстов некачественных писателей. Андреевский возмущался тем, что в книгу для чтения включены недостаточно известные современные авторы: «Вообще, кажется, господа составители „Нови“ не преследовали цели дать лучшие образцы родной речи, по крайней мере наравне с именами Пушкина, Тургенева и Толстого встречаются имена совершенно второстепенных и даже малоизвестных писателей, вроде Гринченко, Ефименко, Сергеенко, Серафимовича и т. п.» [978]. Говорухо-Отрок продолжил этот список примерами из книги для чтения Вахтеровых, которая, по его мнению, была опаснее «Нови» (об этом пойдёт речь ниже): «Я должен еще отметить то, что в этой книге есть такие авторы, о которых никто не слышал, например: Кизеветтер, Рунеберг, Судержавский⁷, Серошевский, Крондиевский⁸. Казалось бы, это не те авторы, с которыми нужно знакомить русских крестьянских мальчиков в хрестоматии» [992]. Бегалей в ответ на это намекал на недостаток образованности своих оппонентов: «Что касается до трех-четырех мало известных имен, то здесь я должен внести некоторую поправку, сказать, что эти имена оказываются малоизвестными только авторам запроса, но они довольно хорошо известны в нашей педагогической литературе и критике...» [987]. К этому стоит добавить, что все перечисленные критиками «Нови» писатели были социалистами, то есть принадлежали к противоположному идеологическому лагерю.

Выступающие «за» и «против» книги для чтения «Новь» прежде всего пытались не переубедить друг друга — их позиции, очевидно, были не совместимы и непреложны, — а склонить на свою сторону как можно больше остальных членов Государственного совета. Очевидно, преследуя эту цель, тот же Бегалей восторженно зачитывал вслух примеры, включенных в «Новь» стихотворений, воспевающих Россию:

...я не могу не привести той заключительной статьи в этой книге, которая помещена в конце отдела «Родиноведение» и которая одинаково захватывает и школьников, и нас. Это чудное стихотворение Никитина «Русь». <...> Господа, можно ли было выбрать лучшее художественное воспроизведение разнообразия природы нашей России и неужели

после этого можно говорить, что авторы книги не старались внушить любви к этой последней? [986–987].

Завершая короткий обзор тезисов и аргументов, прозвучавших с обеих сторон в ходе парламентских дебатов о школьной книге для чтения, приведу риторический пассаж из финальной части выступления Ковалевского:

Я ищу и не нахожу в разбираемой книге ни доказательств антимилитаризма, ни доказательств отсутствия уважения к народной гордости и патриотизму. Ничего этого нет, и чем скорее мы отклоним запрос, тем будет лучше, хотя бы потому, что в задачи высшего Законодательного Учреждения, разумеется, не входит подготовка материала для «Сатирикона» [1013].

Однако, несмотря на все доводы представителей либерально-демократического крыла, по окончании обсуждения большинством голосов запрос был принят и направлен на рассмотрение в Министество.

Книга Вахтеровых и другие «вредные учебники»

Описанная дискуссия была первым в истории деятельности Государственного совета случаем обсуждения школьного учебника для начального обучения, что вызвало немалое удивление его членов. Академики пытались убедить других сенаторов (как тогда нередко называли членов Госсовета) в том, что запрос не представляет особой важности, чтобы рассматривать его в парламенте, и только на этом основании его стоит отклонить. Бегалей подчеркнул, что «Предъявление запроса в Государственном Совете — это большое событие в его жизни», и обратил внимание присутствующих на тот факт, «что за последние 6 лет существования Государственного Совета у нас было предъявлено всего два запроса... создается презумпция в пользу особой осторожности нашей при составлении запросов и их фактической обоснованности» [981]. Его поддержал Ольденбург, начав свою речь словами: «С глубоким прискорбием прочитал я тот запрос 32 Членов Государственного Совета, который был разослан нам недавно. Мне кажется, что право запроса есть право чрезвычайное ответственное, и в настоящем запросе я не вижу той вдумчивости и того внимания, которые требуются обстоятельствами» [998]. Оба искренне недоумевали или изображали

недоумение, почему необходимо выносить на обсуждение в Государственный совет критику книги для начального обучения чтению и русскому языку, которая не понравилась членам управы одного уезда. Завершая своё выступление, Бегалей сказал:

Каждая губерния имеет много уездных земств. И вот оказывается звучал только одинокий голос Кирсановского земства, в то время, как даже остальные земства, той же Тамбовской губернии не подняли своего голоса. Молчат и другие земства нашей обширной России. Где же здесь голос земской России? ...все же нет никаких серьезных данных для настоящего запроса и что поэтому его следует отклонить [987–988].

У интерpellянтов, однако, имелся ответный тезис. Начиная свои выступления, как правило, с критики 3-й части «Нови», многие из выступавших переходили к разговору о том, что столь опасный учебник в современной народной школе далеко не один, а потому поднятый ими вопрос на самом деле имеет больший масштаб, делающий его достойным парламентского рассмотрения. Так, Говорухо-Отрок утверждал:

Кирсановское земство являлось не единственным в этом походе против этих вредных учебников. Большинство остальных рекомендованных учебников было похоже на ту же книжку. Все эти книжки, как например: «Живой родник», сборники Рубакина, Душечкина, Ананьина и т. п. все они проводят материалистическое мировоззрение; запросы духа в христианском понимании устранены, вовсе нет связи русской истории с Православной верой, нет указания, что жизнь и строительство русского народа шли по предначертанному русскими Государями пути, все то же отрицательное отношение к войне и завоеваниям и славе русского оружия [993].

Он несколько преувеличивал (или просто был плохо осведомлен), что среди упоминаемых им авторов и названий лишь «Живой родник», составленный коллективом учителей В. Ананьиним, В. Гусаковым, Г. Макаровым и др., получил разрешение Ученого комитета МНП [Ананьин, Гусаков 1910–1913]. Хрестоматия «Наша речь» Я. Душечкина не была допущена к классному обучению [Душечкин 1909–1912], а Н. Рубакин и вовсе не составлял учебников, а издавал научно-популярную литературу для детей и народа. В качестве главного образца «тенденциозной и революционной» книги для чтения звучала книга Василия и Эмилии Вахтеровых «Мир

в рассказах для детей» (3-я часть) [Вахтеровы 1908]. Говорухо-Отрок в своей речи утверждал: «...и я должен сказать, что „Тулуповы и Шестаковы“ в том смысле, в каком мы их рассматриваем сейчас, являются не наиболее типичными и не наиболее по своей тенденции яркими. Таким учебником, который представляет собою тип тех учебников, которыми снабжали народные школы, является книга гг. Вахтеровых» [990].

Так ораторы незатейливо переводили разговор на критику «Мира в рассказах для детей» и только после настойчивых просьб председателя заседания М. Г. Акимова придерживаться предмета заявления возвращались к «Нови». Запрос был направлен против одной конкретной хрестоматии, которая, по мнению заявителей, ошибочно была допущена МНП, но оказалось, что это повод поговорить о более значимой фигуре в педагогике тех лет — В. И. Вахтерове и о его учебниках. Это имело свою предысторию: двумя годами ранее, в 1911 г., в Училищный совет Моршанского уезда, граничащего с Кирсановским, от предводителя уездного дворянства П. Б. Мансурова был подан доклад с требованием изъять книгу для чтения Вахтеровых, но он не нашел поддержки среди членов совета и был отклонен. М. Я. Говорухо-Отрок в своем выступлении упомянул об этом факте:

Кирсановское земство явилось не единственным в этом походе против этих вредных учебников... <...> Но изъять эту книгу [Вахтерова — А. С.] из обращения оказалось очень трудно. Во-первых, не было законных к тому оснований, ибо мы отказывали бы покупателям в высылке такой книги, которая была Министерством допущена в школы, во-вторых, этого товара закупили на десятки тысяч рублей и, наконец, переменить учебник, классную книгу в школе составляет большие затруднения, ибо каждая школа получает ежегодно учебники в известном проценте, а переменить учебники — это значит изъять из всех четырех классов школы книгу и на все четыре класса сразу дать полный комплект новых учебников [992].

Можно предположить, следуя хронологии событий, что в действительности неудачная попытка запретить учебники Вахтеровых в Моршанском уезде, навела на мысль предводителей уездного дворянства Тамбовский губернии провести ревизию книг для чтения в земских школах, где и была обнаружена «Новь», составленная единомышленниками и соратниками В. И. Вахтерова, участниками организации Всероссийского учительского союза во время Первой революции — Тулуповым и Шестаковым. В своих выступлениях

представители правого крыла Андреевский и Говорухо-Отрок ссылались на текст доклада «известного земского деятеля» Мансурова и отчасти его цитировали. Любопытно, что Мансуров не пошел дальше и «Мир в рассказах для детей» не стал поводом для обращения в высшие органы власти. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграли известность и высокий авторитет самого В. И. Вахтерова как педагога, просветителя и общественного деятеля. Чтобы не увести повествование в сторону, я не буду подробнее останавливаться на борьбе Мансурова против книг для чтения Вахтеровых. Это отдельная история, но именно она стала прелюдией к обращению в Государственный совет по поводу «допущения к классному употреблению в начальных училищах» учебника Тулупова и Шестакова «Новь».

Чего на самом деле хотели интерpellянты?

Дискуссия по запросу в Государственном совете развивалась в двух направлениях: с одной стороны, интерpellянты выступали с резкой критикой книг для чтения «Новь» (3-я ч.) Тулупова, Шестакова и «Мира в рассказах для детей» (3-я ч.) супругов Вахтеровых, с другой — требовали усилить контроль со стороны МНП за учебным книгоизданием. Предводители уездного дворянства столкнулись с тем, что воплощение их решения не пропустить (а уже тем более изъять) допущенные МНП учебники сопряжено с определенными трудностями. В. М. Андреевский уверял сенаторов в том, что дать школам хороший учебник возможно лишь при условии, если «взять Министерству в свои руки как составление, так и издание книг» [980], фактически он требовал перейти к государственному централизованному изданию единых учебников для разных типов школ. Интерpellянты обвинили Ученый комитет МНП в халатном выполнении своих прямых обязанностей. Князь Голицын-Муравлин в начале своего выступления заявил: «Если он [ученый комитет — А. С.], по обилию занятий или по другим уважительным причинам, не в состоянии справиться со своей задачей, то вероятно требуется его пересоздать» [1005]. По сути, развернувшаяся кампания против конкретных учебников была поводом через парламент подтолкнуть МНП к государственной монополизации учебного книгоиздания.

Спустя полтора месяца, 24 апреля на заседание в Государственный совет пришел министр народного просвещения Л. А. Кассо, который начал с того, что прояснил сенаторам процедуру цензу-

ры учебников: книги проходят двойное рецензирование членами Ученого комитета, а при несовпадении оценок привлекается третий эксперт. Он сообщил парламентариям, что в отношении книги для чтения Тулупова и Шестакова «Новь» была проведена тщательная экспертиза, так как за два года до этого издания в МНП была представлена другая книга для чтения — «Новая школа» (см. о ней выше), которая в 1908 г. была признана непригодной, поскольку, по мнению экспертов: «общий тон довольно мрачен, тщательно обойдены религия, любовь к отечеству, в третьей части устранено все, что касается Церкви и веры, все исторические моменты, волнующие и возвышающие русскую чувство, опущены и резко подчеркивается классовая рознь и принцип борьбы в жизни» [1578].

В своем докладе Кассо подчеркнул, что рецензенты внимательно прочитали «Новь» и не нашли в подборе статей «тенденциозности», однако после первого издания в Ученый Комитет поступило «заявление со стороны частного лица, которое обращало внимание ученого комитета на нежелательность этой книги» [1579]. Книга для чтения была поручена третьему рецензенту, который «дал отзыв более положительный, чем предыдущий», на основании этой дополнительной рецензии было выдано новое разрешение. Кассо тут же, во избежание новых упреков, оговорился, что это было еще в 1910 г., при бывшем министре А. Н. Шварце, и далее отрапортовал: «Я имею честь заявить, что книга „Новь“ (третья часть) будет внесена на днях для нового рассмотрения в ученый комитет, причем я сохраняю право не присоединяться к тому взгляду, который был высказан раньше по поводу этой книги ученым комитетом и Министерством Народного Просвещения» [1579].

Этого оказалось недостаточно, и авторы запроса были разочарованы: одержав парламентскую победу по вопросу о книге для чтения Тулупова и Шестакова, они не получили самого главного — обещания министра взять под контроль учебное книгоиздание в целом, проведение ревизии и изъятие других подобных учебников, о которых они упоминали на предыдущем заседании. Тогда интерpellанты предложили принять предписание в отношении МНП, уже за подписью 35 членов Государственного Совета, в котором указывалось, что, допустив к классному обучению «Новь» (3-я ч.), Ученый комитет, во-первых, «нарушил лежащую на нем обязанность снабжать начальную школу такими учебными руководствами, которые служили бы к утверждению в народе религиозных и нравственных понятий, а равно любви к родине» и, во-вторых, «для удовлетворения означенных выше первостепенной важности по-

требностей Министерству Народного Просвещения надлежит озаботиться снабжением начальных школ однообразными учебниками для исключительного и обязательного классного употребления» [1586].

Оппонентами по новому предложению выступили уже сам Л. А. Кассо и С. Ф. Ольденбург, которые, как ни удивительно, оказались единодушны в том, что государственная монополия учебного книгоиздания немыслима и утопична. Министр высказал опасения, что издание единого государственного учебника, составленного даже при участии талантливых и авторитетных педагогов, неизбежно через год или два устареет. А в то время может появиться другая книга — «плод свободного труда какого-нибудь автора данной специальности», которая окажется лучше, а министерство будет критиковать за косность и консерватизм. Защищая деятельность своего департамента, Кассо отметил, что ежегодно Ученый комитет рассматривает огромное количество учебных изданий, Законодательное Собрание и общественные деятели нашли непригодной только третью часть единственной книги для чтения, это, по его мнению, свидетельствует о том, что «в общем деятельность ученого комитета проходит при нормальных условиях» [1582]. И тут же добавил: «Однако, я знаю, что многие против этого возражают. Я знаю, что упреки в общих выражениях направляются против ученого комитета с разных сторон политического горизонта» и напомнил, что не так давно в Государственной думе Милюков говорил: «ученый комитет — это страж, приставленный к дверям» [1582]. Таким образом, Кассо прямо указал на политический подтекст запроса и вывел прения из области педагогики.

Ольденбург, в свою очередь, заметил, что интерpellянты, выступая за государственную монополию издания учебников, в качестве успешного опыта приводили в пример Японию, в которой при поддержке крайне правой партии обучение опирается на воспитание уважения к стране. Академик напомнил, что и во Франции радикальные социалистические партии в настоящее время активно выступают за государственную монополизацию издания учебников и хотят запретить церковное образование, навязывая тем самым свою систему взглядов школе. С одной стороны, Ольденбург попытался продемонстрировать правым, что их главные идеологические враги используют тот же инструмент, стремясь установить контроль за школой, тем самым указывал на очевидность и прозрачность целей интерpellянтов. С другой стороны, он хотел продемонстрировать, что в идее радикальной идеологизации образования любые

политические силы «сходятся в одном, а именно в том, что нельзя предоставить школе известную свободу», — и настаивал на том, что «школа должна стоять вне всякой политики» [1590].

По итогам двух заседаний в Государственном совете интерpellантам удалось добиться от МНП решения направить 3-ю часть книги для чтения Тулупова и Шестакова «Новь» на повторное рассмотрение для получения нового цензурного разрешения от Ученого комитета. Однако составители, понимая, что критика правых, получившая широкий публичный резонанс, приведёт к тому, что осторожный инспектор народных школ во избежание каких-либо проблем воздержится от рекомендации земству покупать скандально известный учебник, из экономических соображений сами перестали его переиздавать. При этом первая и вторая часть этой книги для чтения успешно переиздавались до 1917 г. и по-прежнему были официально допущены к обучению в народной школе. Вопрос же монополизации государством учебного книгоиздания не получил поддержки среди сенаторов и был снят с дальнейшего обсуждения.

Заключение

Борьба с «вредными» книгами для чтения не закончилась после обсуждения в Государственном совете и вскоре получила продолжение в Государственной думе. 31 мая во время обсуждения бюджета МНП депутат правого крыла В. М. Пуришкевич вновь поднял проблему цензуры учебников для народных школ. После обсуждения в верхней палате парламента он создал группу из числа единомышленников, которая провела ревизию учебников для начальной школы и по итогам своей работы подготовила обширный текст с подробным разбором книг для чтения Вахтерова, Тулупова и Шестакова, Ананьина и Гусакова, Душечкина и др. Эта брошюра, озаглавленная «Школьная подготовка второй русской революции» (1913), была распространена среди думских депутатов. И вновь российские законодатели читали и слушали на заседании стихи Плещеева и Никитина, фрагменты рассказов Толстого, Гаршина и Достоевского. Органы высшей законодательной власти были снова вовлечены в процесс регулирования школьного чтения.

Почему книга для чтения для начальной школы в межреволюционное десятилетие стали предметом политической борьбы за возможность определять идеологическую повестку народного образования?

Рассмотренная в этой статье дискуссия в Государственном совете, ее предыстория и последствия позволяют увидеть, что в это время на поле образовательной политики, помимо государства, появились другие институциональные игроки: земства, училищные и попечительные советы при школах, учительские общественные организации, педагогическая периодика, а впоследствии и политические партии. Согласно «Положению о начальных народных училищах» [Положение 1874], земские и училищные советы имели юридическую возможность запретить или изъять из употребления в конкретной школе или школах уезда тот или иной учебник и таким образом поучаствовать в отборе в детское чтение тех или иных произведений и авторов. Однако в предшествующие десятилетия названные советы не проявляли особенного интереса к этим вопросам. Стремительное увеличение числа земских школ, публичное обсуждение в 1907–1908 гг. вопроса о введении всеобщего начального образования, с одной стороны, и политизация российского общества в период Первой русской революции 1905–1907 гг. — с другой, способствовали увеличению числа новых акторов, которые хотели принимать участие в решении вопросов школьного обучения. Между этими институтами возникали разногласия и конфликты, и на примере двух уездов Тамбовской губернии видно, как по-разному могла разрешаться ситуация. В Кирсановском — под давлением предводителя уездного дворянства одна из частей учебник Тулупова и Шестакова «Новь» была изъята из обращения в народных школах, и ученики последующих лет уже не читали на уроках фрагментов из Г. Успенского, Л. Андреева, В. Гаршина, М. Горького, С. Надсона, Ф. Сологуба. В Моршанском — Училищный совет и инспектор отказались прислушаться к требованиям статского советника Мансурова, несмотря на его высокий авторитет и влияние в правительстве, и продолжили обучение по книге В. и Э. Вахтеровых «Мир в рассказах для детей», в которой, помимо «вредных» литературных текстов, присутствовал, например, рассказ об эволюционном учении Дарвина.

Устройство начальных школ в начале XX в. продолжало следовать упоминавшемуся выше «Положению 1874 г.», которое не определяло содержания и результатов начального обучения, а лишь указывало его цель: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [Положение 1874, 836]. В 1897 г. МНП утвердило Примерные программы учебных предметов для начальных народных училищ, в которых было указано количество учебных часов по каждому предмету и

рекомендовалось расширить курс элементарного обучения сведениями из отечественной истории и географии России, при этом не прописывалось конкретных тем и тем более конкретных текстов или авторов [Примерные программы 1897]. При таком обобщенном характере институциональных предписаний именно книга для чтения являлась основным инструментом обучения (и нередко — единственным источником «книжного» знания для школьников, особенно сельских).

В 1907 г. в журнале «Для народного учителя», который издавали те самые Н. В. Тулупов и П. М. Шестаков, их единомышленник Н. В. Чехов писал: «Одним из самых насущных вопросов в жизни нашей народной школы является вопрос о выработке новых программ. Собственно говоря, лучшая наша школа — земская — никогда не имела обязательной для нее программы, и это, как это ни странно, было скорее ее счастьем» [Чехов 1907, 1]. Очевидно, что счастьем, по Чехову, была большая доля свободы начальных народных школ, возможность самостоятельно определять содержание обучения и учебные материалы.

Начальные народные школы содержались земствами под контролем МНП в лице уездного инспектора, который ежегодно составлял отчет о деятельности училищ в уезде. Упоминания учебников в отчетах по народному образованию для земских управ встречаются не часто: как правило, в них приводятся статистические данные о количестве училищ и личном составе учащихся и учащихся, о санитарно-гигиеническом состоянии школьных помещений и мебели с приложением расходно-доходной сметы, наличии или отсутствии библиотек. Просматривая журналы земских собраний, можно увидеть, как постепенно с 1900-х гг. меняется содержание отчетов о состоянии школ в уезде, и помимо статистических сведений и отчетных цифр в них появляются содержательные замечания инспектора о состоянии учебного дела. Если во второй половине XIX в. в отчетах иногда встречаются лишь бюрократические формулировки вроде «книгами школы были снабжены в достаточной степени», то в начале XX в. уже приводятся не только конкретные суммы, потраченные на приобретение школьной литературы, но и названия учебников, которые закуплены для обучения в классе и для школьных библиотек.

Таким образом, в отсутствие учебных программ для начальной школы содержание обучения фактически определялось той учебной литературой, которую закупало земство для школ своего уезда, выбирая из обширного списка допущенных Министерством изданий.

Рынок учебной литературы в связи с ростом числа школ развивался стремительно, каждый год появлялись десятки новых названий учебников⁹, разобраться в потоке изданий представляло большую сложность. В начале XX в. широкое распространение получили учительские педагогические курсы и всевозможные (земские, общеземские, всероссийские) общественные съезды по вопросам народного образования, семейного обучения, технического образования, трудового воспитания и т. п., на которых учителям среди прочего рекомендовали учебную литературу для школ, в том числе и книги для обучения в классе, таким образом, косвенно оказывали влияние на процесс выбора той или иной книги для чтения. В это же время резко увеличивается количество педагогических журналов для народных школ, издаваемых представителями разных направлений общественного движения (см.: [Пузырева 2012, Волик 2020]). В них регулярно рекламировались, рекомендовались и критиковались одобренные Ученым комитетом МНП учебники, что во многом формировало мнение педагогического сообщества и так или иначе оказывало влияние на руководство земских школ.

Ученый комитет МНП, отвергавший лишь наиболее радикальные с его точки зрения книги, не был препятствием для активной деятельности либерально настроенных педагогов по изданию и продвижению учебников, что и спровоцировало столь сильную реакцию правых консерваторов. Пользуясь численным преимуществом в парламенте, они попытались оказать давление на министерство через Государственный совет и добились изъятия из школьного употребления одной отдельно взятой книги. При этом, понимая, что существующий механизм «полуслепой» министерской цензуры не дает возможности запретить все «вредные учебники», правые призывали ввести государственную монополию на издание учебной литературы, которая позволила бы обеспечить тотальный контроль на этом поле, — и потерпели поражение. Этому проекту суждено было реализоваться лишь два десятилетия спустя и в совсем иной политической ситуации — с введением единых учебников для школ СССР в начале 1930-х гг.

Примечания

¹ Далее при цитировании фрагментов из стенограммы заседания Государственного совета по данному источнику в квадратных скобках указываются только страницы.

- ² К сожалению, в отчете не упоминается, в городских или сельских школах работали ответившие учителя, в то время как эти сведения были бы крайне интересны для прояснения картины «демократических» практик отбора учебной литературы.
- ³ См., например, в ст. 20 этого документа: «Заведывание учебною частию всех начальных народных училищ вверяется директору народных училищ и инспектору сих училищ, как непосредственно ему подчиненным помощникам, которые назначаются в каждой губернии в том числе, какое будет определено министерством народного просвещения, соразмерно с пространством и населенностью оной и с числом имеющих в ней училищ» [Положение 1874].
- ⁴ Протоколов заседания уездного Училищного совета пока обнаружить не удалось, поэтому нам неизвестно, на основании какой аргументации была выбрана именно эта книга для чтения и какие были альтернативы.
- ⁵ «Азбука в картинках» (1902 — 1918, 26 изд.), «Новая школа. В 3-х кн.» (1905 — 1917, 17 изд.), «Первая, вторая и третья ступень в литературу. В 3-х кн.» (1908 — 1918, 8 изд.), «Новь. В 3-х кн.» (1909 — 1917, 7 изд.), «Слово: Сборник упражнений по русскому языку» (1910 — 1914, 5 изд.).
- ⁶ В упомянутой выше автобиографии 1930-го года Андреевский, радикализуя антимонархическое содержание книги для чтения Тулупова и Шестакова, пишет: «История России излагалась во истину удивительно: про всех наших государей сообщались только отрицательные черты. Так, про Петра Великого говорилось, что он был жесток и любил кутежи; про Екатерину II, что она отличалась развратом и т. д., все в этом же роде. И выходило так, что изо всех наших государей приличный был только Григорий Отрепьев, да вот бояре его невзлюбили и убили за то, что не ходил к обедне... В беллетристической части приводились рассказы либо ярко тенденциозные, в которых неизменно крепостной барин порол мужиков, либо пораженческие вроде рассказов Вс. Гаршина» [Андреевский 1930].
- ⁷ Имеется в виду известный театральный режиссер, педагог, общественный деятель Л. А. Сулержицкий (1872 — 1916). В книге для чтения Василия и Эмилии Вахтеровых «Мир в рассказах для детей» в написании фамилии была сделана опечатка — Судержацкий, в стенограмме записано на слух — «Судержавский».
- ⁸ Крондиевский — это писательница А. Р. Крондиевская, очевидно, что М. Я. Говорухо-Открок зачитывал список не совсем известных ему имён, переписанных с ошибками из доклада Мансурова к Моршанскому Училищному совету [Мансуров 1911].
- ⁹ Полный список изданий книг для чтения для начальной школы с 1797 по 1917 гг. см: [Сенькина 2009].

Литература

Источники

Александров 1906 — Александров И. Тулупов и Шестаков «Новая школа» // Русская школа. 1906, № 7–8 (июль–авг.). С. 27–28.

Ананьин, Гусаков 1910–1913 — Живой родник. Первая, вторая, третья и четвертая книги для чтения / сост. В. И. Ананьин, В. Гусаков, Г. Макаров. М.: изд-во т-ва И. Д. Сытина, 1910–1913.

Андреевский 1930 — Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания. Машинопись и ксерокопия авторской рукописи с вставками: Государственный архив Тамбовской области. Фонд Р-5328. Оп. 1. Д. 7 // «Град Кирсанов»: [сайт]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp>.

Ахтырский 1911 — Ахтырский И. Доклад Инспектора народных училищ очередному земскому собранию о состоянии начальных училищ в Кирсановском уезде за 1909–1910 учебный год // Журналы Кирсановского уездного земского собрания 1910 (чрезвычайное 17 июня и очередное 25–29 сентября). Тамбов: Типография Губренского земства, 1911. Доклад № 46. С. 107–127.

Вахтеровы 1908 — Мир в рассказах для детей: книга для классного чтения в начальных училищах: 3-я часть. Для третьего и четвертого годов обучения / В. Э. В. [Вахтеров В. П. и Вахтерова Э. О.]. М.: товарищество И. Д. Сытина, 1908.

ГС 1913 — Государственный совет. Стенографические отчеты 1912–13 гг. Сессия 8. Заседание 20 (6 марта). СПб.: Государственная типография, 1913.

Для народного учителя 1908 — Тулупов Н., Шестаков П. [Рецензия] // Для народного учителя. 1908. № 17 (нояб.). С. 35. Рец. на кн.: Новая школа: Первая после букваря кн. для обучения род. яз. в шк. и дома... Ч. 1–3. М.: т-во И. Д. Сытина, 1905–1907.

Душечкин 1909–1912 — Душечкин Я. И. Наша речь: Хрестоматия для городских 4-х кл. и сельских 2 кл. училищ и млад. кл. средне-учебных заведений: Кн. 1–4. М.: товарищество И. Д. Сытина, 1909–1912.

Мансуров 1911 — Мансуров П. Б. Доклад члена по избранию от уездного земства П. Б. Мансурова в Моршанский уездный училищный совет о книге классного чтения: «Мир в рассказах для детей» В. и Э. Вахтеровых. Москва: Печ. А. И. Снегиревой, 1911.

Налимов 1909а — Налимов А. Н. В. Тулупов и П. М. Шестков «Новь» Книга для первоначальных занятий по русскому языку в школе и семье. Ц. 25 к.: [рецензия] // Русская школа. 1909. № 10 (октябрь). С. 9–10.

Налимов 1909б — Налимов А. Н. В. Тулупов и П. М. Шестков «Новь». М. 1910. Ц. 50 к.: [рецензия] // Русская школа. 1909. № 11 (ноябрь). С. 8–9.

Положение 1874 — Положение о начальных народных училищах 1874 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. II. Отд. I. СПб., 1877. Т. XLIX. № 53574. С. 836–840.

Русский начальный учитель 1909 — Тулупов и Шестаков «Новь», ч. I. Книга для первоначальных занятий по русскому языку в школе и дома. Ц. 25 коп. М. 1909: [рецензия] // Русский начальный учитель. 1909. № 8–9 (авг.–сент.). С. 321.

Тулупов, Шестаков 1909–1910 — Новь. Книга для занятий по русскому языку в школе и семье. Чтение и материал для бесед и письменных работ. Со многими рисунками и снимками с картин художников: Айвазовского, Богданова-Бельскаго, Левитана, Маковского, Репина, Саврасова, Шильдера, Шишкина, Ярошенко и др.: В 3-х книгах / сост. Н. В. Тулупов, П. М. Шестаков. М.: тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1909–1910.

Чехов 1907 — Чехов Н. В. О выработке программы народной школы // Для народного учителя. 1907. № 17. С. 1–4.

Исследования

Волик 2020 — Волик Е. А. О тематических особенностях педагогической журналистики 1860–1917 гг. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 1. С. 197–203.

Захаров, Иванова 2019 — Захаров В. Ю., Иванова А. Н. Всеобщее начальное образование в Российской империи в XIX — начале XX вв.: причины и неудачи реформы // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2 (10). С. 11–26. URL: <http://j-locus.ru/wp-content/uploads/2020/05/2019-2-11.pdf>.

Пузырева 2012 — Пузырева Л. В. О феномене русской педагогической журналистики (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 49–59.

Сенькина 2009 — Сенькина А. А. Книги для чтения и хрестоматии для начального обучения, изданные в России с 1797 по 1917 гг. (Материалы к библиографическому указателю) // Ребенок XVIII–XX столетий в мире слов: история российского букваря, книги для чтения и учебной хрестоматии / [редкол.: Т. С. Маркарова и др.]. М.; Тверь: Научная книга, 2009. С. 181–230.

References

Puzyreva 2012 — Puzyreva, L. (2012). O fenomene ruskoj pedagogicheskoj zhurnalistiki (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.) [The phenomenon

teaching Russian journalism (The second half of 19th — early 20th century)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 1, 49–59.

Sen'kina 2009 — Sen'kina, A. A. (2009). *Knigi dlya chteniya i hrestomatii dlya nachal'nogo obucheniya, izdannye v Rossii s 1797 po 1917 gg.* [Reading books and anthologies for primary education, published in Russia from 1797 to 1917.]. In T. S. Markarova (Ed.), *Rebenok XVIII — XX stoletij v mire slov: istoriya rossijskogo bukvarya, knigi dlya chteniya i uchebnoj hrestomatii* (pp. 181–230). Moscow; Tver: Nauchnaya kniga.

Volik 2020 — Volik, E. A. (2020). O tematiceskikh osobennostyah pedagogicheskoy zhurnalistiki 1860–1917 gg. [Yelena A. Folik 'The question about the matical features of pedagogic journalistic in 1860–1917']. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 26 (1), 197–203.

Zaharov, Ivanova 2019 — Zaharov, V., Ivanova, A. (2019). Vseobshchee nachal'noe obrazovanie v Rossijskoj imperii v XIX — nachale XX vv.: prichiny i neudachi reform [Universal elementary education in the Russian empire in 19th — beginning of 20th centuries and reasons of the failure of the reform]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2, 11–16. Retrieved from: <http://j-locus.ru/wp-content/uploads/2020/05/2019-2-11.pdf>.

Senkina Anna

independent researcher

THE SCHOOL READING BOOK IN THE RUSSIAN PARLIAMENT,
OR ON AN EPISODE IN THE HISTORY OF CENSORSHIP AND
CRITICISM OF EDUCATIONAL LITERATURE IN THE EARLY
TWENTIETH CENTURY

This article discusses a unique precedent in Russian history when the textbook for elementary schools became the subject of parliamentary debate. In March 1913, a group of right-wing members of the State Council appealed to the Minister of Public Education for permission to use the 3rd part of the “Nov” reading book by N. Tulupov and P. Shestakov in elementary schools. The interpellents argued that in Nov’; and a number of other primary school textbooks approved by the ministry, the authors’ biased texts were anti-monarchical and anti-state, pitting one class against another, killing the people’s religiosity and developing anti-militaristic sentiments. The parliamentarians involved in the debate found themselves in the unusual role of literary critics, children’s reading leaders and experts in primary education. An analysis of this mishap, its background and consequences, and the discussion in the State Council itself reveals that in the inter-revolutionary decade other institutional players besides the state emerged in the field of education policy: zemstvos, school and school boards of trustees, teachers’ public organisations, educational periodicals and, later, political parties. In the absence of curricula for primary schools, the content of teaching was in fact determined by the educational literature that the zemstvo purchased for the schools in its district, choosing from an extensive list of publications permitted by the Ministry. However, state censorship was not an obstacle to the active work of liberally-minded educators in publishing and promoting textbooks, which provoked such a strong reaction from right-wing conservatives. The reading book became the subject of a political struggle for the opportunity to determine the ideological agenda of public education.

Keywords: people’s school, State Council, right-wing monarchist criticism, reading books, Tulupov and Shestakov, Vakhterovs, censorship of educational literature